

ЧЕЛОВЕК, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

роман

Сергей Тимин

Сергей Тимин

Человек, которого не было

<https://litres.ru/74493738>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мой брат не тот, кем был. Иногда он - кто-то другой. Приезжайте, пока его не посадили».

С этого письма для журналиста Дмитрия Карева начинается самое странное дело в его жизни. Игорь Соколов, тихий реставратор икон из Данилова, обвиняется в краже, которую не помнит. Камера сняла его. Отпечатки - его. Куртка - его. Только походка чужая.

Полгода интервью в комнате свиданий - и Карев знакомится с ними по одному. С семилетним Гошей, который считает до ста, когда гремит ведро. С тётей Валеёй, поющей колыбельные внутри чужого тела. С наглым Марком, молчаливым художником без имени и с тем, кто называет себя Архивистом - и знает про ту ночь всё.

Чтобы спасти Игоря от срока, придётся открыть дверь, которую сорок лет держали запёртой семеро.

Роман о том, как психика спасает ребёнка, когда его не спасает никто. О цене молчания и силе вопроса. Люди не делятся на целых и сломанных - только на спрошенных и неспрошенных.

Содержание

От автора	4
Часть первая. Кража	5
Глава 1. Письмо	5
Глава 2. Вера	9
Глава 3. Комната для свиданий	13
Глава 4. Правила игры	19
Глава 5. Следователь	24
Глава 6. Провалы	32
Часть вторая. Перекличка	40
Глава 7. Гоша	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Сергей Тимин

Человек, которого не было

От автора

Все персонажи, события, учреждения и населённые пункты в этой книге вымышлены. Любые совпадения с реальными людьми и делами случайны.

Диссоциативное расстройство идентичности - реальный диагноз, признанный международными классификациями болезней. Работая над книгой, я старался обращаться с ним честно и точно, но эта книга - роман, а не медицинский источник. Если что-то в этой истории покажется вам знакомым по собственной жизни или жизни близкого человека - пожалуйста, поговорите со специалистом. Это не слабость. Это первая страница другой, лучшей истории.

С. Т.

Часть первая. Кража

Глава 1. Письмо

Письмо пришло на редакционную почту двадцать восьмого января, в четверг, между жалобой на нечищенный двор и пресс-релизом о фестивале валенок. Я бы его не открыл - у нас в «Ярославском курьере» такие письма называются «мой сосед экстрасенс» и пересылаются практиканту, - но в теме стояло всего четыре слова, и они были составлены как-то неправильно.

«Мой брат не он».

Не «мой брат невиновен». Не «помогите, беспредел». Именно так: мой брат не он.

Я открыл.

«Здравствуйте. Меня зовут Вера Соколова, я из Данилова. Пишу вам, потому что вы в декабре написали статью про интернат в Рыбинске и там было видно, что вы сначала разбираетесь, а потом пишете. У меня арестовали брата. Игорь Соколов, ему 38, он реставратор, работает при Крестовоздвиженской церкви, его там все знают, спросите любого. Говорят, он ночью залез в антикварный магазин на Пробойной и вынес икон и серебра на два миллиона. Его взяли на следующий день, камера его сняла, отпечатки его, всё его.

Я не буду вам писать, что он не мог. Я вам напишу то, что не написала следователю, потому что следователь после этого разговаривал со мной как с больной.

Мой брат иногда не он. Это началось ещё в детстве. Он может говорить другим голосом, ходить по-другому, курить, хотя Игорь не курит с армии. Один раз он при мне полчаса говорил как наша покойная бабушка. Не изображал. Говорил. Он потом ничего не помнит, и это не враньё, я его знаю тридцать восемь лет, когда он врёт, у него уши краснеют.

На записи с камеры человек в куртке Игоря идёт через зал магазина и что-то говорит прямо в объектив. Следователь показал мне три секунды без звука, я эти три секунды теперь вижу, когда закрываю глаза. Походка не его. Понимаете, я по походке брата в толпе на вокзале находила. Это. Не. Он.

А теперь самое страшное, из-за чего я вам пишу. Игорь в СИЗО. Адвокат по назначению говорит: признавайте вину, дадут меньше. А Игорь не может признать вину. Он не помнит той ночи. Вообще. Он мне сказал на свидании: Вера, я лёг спать во вторник, а проснулся в среду вечером, и между этим - ничего. И смотрел на меня так, как в детстве смотрел, когда мы в кладовке сидели. Я вам про кладовку не буду в письме, это при встрече.

Приезжайте, пожалуйста. Пока из него в суде не сделали вора, а из его головы - хитрость.

Вера».

Я перечитал письмо три раза. Потом встал, налил кофе из

общего чайника, который у нас называется кофе из вежливости, вернулся и перечитал четвёртый.

Смотрите, я объясню, что меня зацепило, - это важно для всего, что случится дальше, а дальше случится полгода, которые поделят мою жизнь на до и после.

Мне сорок пять. Двадцать два из них я работаю в районной прессе, и у меня давно выработался иммунитет на чужую беду в письменном виде. Это не цинизм, это техника безопасности: если пропускать через себя каждое «помогите», к пятнице нечем будет писать про фестиваль валенок. Родственники арестованных пишут нам постоянно, и все письма похожи, как бланки: он не мог, его подставили, он самый добрый. Их можно понять. Им нельзя помочь.

Письмо Веры было другим. Она не писала «он не мог». Она писала: всё сходится, камера, отпечатки, куртка, - и вот именно поэтому что-то не сходится страшнее. Она предъявляла не алиби, а походку. Тридцать восемь лет знакомства с походкой.

И ещё кладовка. «Я вам про кладовку не буду в письме, это при встрече». Человек, который сочиняет, пишет наоборот: вываливает всё и сразу, с подробностями, с восклицательными знаками. Придержать главное - так делают те, кому главное больно.

Я ответил в тот же день. Написал честно: ничего не обещаю, статьи может не быть, приеду послушать.

Через два дня, в субботу, я ехал в Данилов на электричке,

смотрел в окно на серый снег и думал, что зря еду. Забегая вперёд: я оказался прав и неправ одновременно. Статья из этого не получилась. Из этого получилась книга, которую вы держите в руках, - но между электричкой и первой её строчкой лежат шесть месяцев, одиннадцать тетрадей расшифровок, один суд, один рисунок цветными карандашами, который я до сих пор не могу разглядывать дольше минуты, и семь человек, которых я научился различать.

Все семеро жили в одном теле.

Тело звали Игорь Соколов, и в тот январский четверг оно сидело в СИЗО-1 города Ярославля и не помнило ночь со вторника на среду.

Глава 2. Вера

Данилов зимой - город, который экономит на всём, кроме снега. Вера встретила меня на перроне: маленькая, прямая, в пуховике цвета мокрого асфальта, из тех женщин, по которым сразу видно, что они всю жизнь были в семье за старшую, даже если родились младше.

- Вы моложе, чем на фотографии в газете, - сказала она вместо здравствуйте. - Это хорошо. Значит, фотография старая, значит, вы там давно работаете, значит, вас не выгнали. Пойдёмте, я чайник поставила.

Логика у неё была такая же, как походка: быстрая, экономная, без лишних движений.

Она жила в доме, который они с Игорем «делили, не деля»: полдома её с мужем, полдома брата. В его половине было прибрано, как в музее с одним смотрителем: стопки книг по иконописи, банки с кистями, на стене - фотография леса, снятая явно на плёнку. И запах: олифа, дерево, что-то церковное.

- Вот тут он живёт, - сказала Вера. - Живёт, а не жил. Вы в прошедшем времени про него не говорите, я от этого дуреть начинаю. Садитесь. Спрашивайте. Я знаю, что вы хотите спросить.

- Что я хочу спросить?

- Больной ли у меня брат. - Она поставила чашки, села на-

против и положила руки на стол, как школьница. - Отвечаю: не знаю. Я сорок лет об этом думаю. Когда мы были маленькие, я думала, он придушивается. Потом думала - у него это нервное. Потом перестала думать, потому что жить-то надо. А теперь его посадят, и оказывается, надо было думать раньше.

Диктофон я тогда ещё не доставал. Об этом жалею до сих пор: первый рассказ Веры - самый цельный из всех, что я слышал, потом она уже говорила кусками, устав от собственной памяти. Восстанавливаю по записям, сделанным в электричке обратно.

Первое, что она вспомнила, было лето, ей десять, Игорю восемь. Они у бабушки в деревне под Даниловом. Игорь боится заходить в сарай - там темно и пахнет соляжкой, - и вдруг однажды заходит сам, выходит с граблями и говорит сестре: «А чего там бояться-то, дурёха». Голос другой. Ниже. И слово «дурёха» - бабушкино, они сами так никогда не говорили. Вера тогда засмеялась: думала, брат бабушку передразнивает. Игорь посмотрел на неё пусто и спросил, почему она смеётся. Он не помнил ни сарая, ни граблей, ни «дурёхи».

- Я это на сто раз прокрутила, - сказала Вера. - Знаете, что самое странное? Грабли. Он их принёс, потому что бабушка просила грабли. Не он просил. Ему-то они зачем. Он как будто сходил туда за неё.

Дальше - больше, но реже. Подростком Игорь иногда

«уходил»: посреди разговора взгляд стекленел на две-три секунды, потом возвращался, но разговор приходилось начинать заново - он терял нитку. В шестнадцать он однажды подрался на танцах - Вера говорила «подрался», потом поправилась: «дрался так, что его вчетвером оттаскивали, а он худой был, как жердь». Наутро у него были разбиты костяшки, и он спросил у Веры, откуда. Не в смысле «сделал вид». Спросил и стал ждать ответа.

- А родители? - спросил я.

Вера долго молчала. Потом сказала:

- Вот про родителей мы сейчас говорить не будем. Не потому что секрет. Потому что если я про отца начну, я вам про Игоря не доскажу. Отец умер в девяносто девятом, и я вам одно скажу, а вы как хотите понимайте: на похоронах Игорь был спокойный, как никогда в жизни. Ему семнадцать было. Стоял у гроба и улыбался. Тихо так. Я тогда чуть не умерла от стыда перед людьми. А сейчас думаю - это не он улыбался.

- А кто?

- Вот вы у него и спросите. - Она встала и начала мыть чашки, хотя чашки были чистые. Спиной ко мне сказала: - К нему в среду можно. Я вас запишу как помощника адвоката, Сергеевна сделает. Только я вас прошу. Он же не знает, что я вам про всё это написала. Вы с ним просто поговорите сначала. Про иконы его спросите, про работу. Он вам сам покажет. Оно всегда само показывается, когда ему страшно.

А в СИЗО ему страшно.

Уже в дверях, когда я наматывал шарф, она вдруг взяла меня за рукав - первый и последний раз за все полгода, она не из тех, кто трогает людей, - и сказала то, ради чего, я думаю, и писала письмо:

- Дмитрий Андреевич. Я не дура и не блаженная. Я понимаю, как это звучит. Может, врачи скажут - болезнь, может - скажут, придушивается, я всё приму. Я одного боюсь. Что никто даже смотреть не станет. Что все решат, что смотреть не на что: вот камера, вот отпечатки, вот срок. А там есть на что смотреть. Там, внутри него, кто-то маленький сидит и ждёт, пока его найдут. Всю жизнь ждёт. Я не сумела. Я близко, мне нельзя, об меня оно ранится. Найдите вы.

В электричке я записал этот монолог, потом долго смотрел на слова «об меня оно ранится» и думал, что женщина из Данилова, не читавшая ни одного учебника психологии, только что сформулировала то, за что специалисты платят десятью годами образования.

В среду я поехал в СИЗО.

Глава 3. Комната для свиданий

СИЗО-1 города Ярославля снаружи выглядит как старая крепость, потому что это и есть старая крепость: стены восемнадцатого века, поверх - колючая проволока века двадцать первого. Внутри пахнет хлоркой, сырой штукатуркой и ожиданием.

Адвокатесса, которую Вера называла Сергеевной, оказалась усталой женщиной с портфелем, державшимся на одной живой молнии. По дороге она провела мне инструктаж, весь состоявший из одной фразы:

- Вы помощник, вы молчите, вы записываете. Заговорит с вами - отвечайте коротко. И это. - Она притормозила. - Вера вам рассказала про его... особенности?

- В общих чертах.

- Ну вот и держите себя в руках, когда черты перестанут быть общими.

Комната для свиданий была маленькая: стол, привинченный к полу, три стула, лампа дневного света, из которой жизнь ушла наполовину - она мигала с одного края, как нервный тик. Игоря привели через десять минут.

Первое впечатление: какой же он аккуратный. Даже здесь, в застиранной робе, он выглядел как человек, который извиняется перед миром за то, что занимает в нём место. Сел ровно, руки сложил на столе, как на парте. Лицо усталое, немо-

лодое, с той особой серостью, которую даёт СИЗО, но глаза - внимательные и очень ясные. Он был похож на сельского учителя, который сорок лет отработал в школе и так и не научился повышать голос.

- Игорь Валентинович, это Дмитрий Андреевич, он мне помогает, - сказала Сергеевна. - Поговорим про ходатайство.

Минут двадцать шёл обычный юридический разговор. Я записывал и смотрел. Игорь отвечал тихо, по делу, дважды извинился, что «создаёт всем столько работы». Про ночь кражи сказал то же, что сестре: лёг во вторник около одиннадцати, проснулся в среду в семь вечера. На вопрос, бывало ли с ним такое раньше, ответил не сразу.

- Бывало, - сказал он и посмотрел на свои руки. - Провалы. С детства. Я к ним привык, я с ними умею. Записки себе оставляю, будильники ставлю, у меня система. Просто такой длинный - давно не было. И чтобы после него вот так просыпаться... - он повёл подбородком, обозначая камеру, стены, всё это, - такого не было никогда.

- Вы обращались к врачам? - спросил я. Сергеевна глянула на меня, но не одёрнула.

- В девятнадцать лет. Мне написали «астено-невротический синдром» и выписали глицин. - Он улыбнулся одними углами губ. - Я потом ещё раз ходил, в тридцать. Доктор сказал: у вас переутомление, вы слишком много работаете. Я перестал ходить. Неудобно занимать людей собой.

Вот это «неудобно занимать людей собой» я подчеркнул

в блокноте два раза. Потом, месяцы спустя, Архивист скажет мне, что эта фраза - фундамент всей конструкции. Но до Архивиста было ещё далеко.

А потом Сергеевна достала из портфеля распечатку - кадр с камеры магазина. Положила на стол, повернула к Игорю:

- Следствие будет предъявлять это. Посмотрите внимательно ещё раз. Может, вспомните хоть что-то. Одежда ваша?

И тут случилось то, ради чего Вера посылала меня в эту комнату, - только я оказался к этому не готов, хотя готовился неделю.

Игорь посмотрел на снимок. Секунду он был прежним - учитель, парта, извиняющиеся плечи. Потом у него изменились глаза. Я не могу описать это лучше, хотя видел потом десятки раз: как будто за окнами дома, не меняя самого дома, включили свет в другой комнате. Взгляд стал быстрым, оценивающим, чуть насмешливым. Спина распрямилась - не выпрямилась, а именно распрямилась, свободно, как у человека, который в этой комнате главный. Он взял распечатку со стола - Игорь до этого ни разу не потянулся ни к одному предмету - повертел, посмотрел на просвет, будто проверял купюру.

- Ну снимок и снимок, - сказал он другим голосом. Ниже на полтона, быстрее в полтора раза, с ленцой. - Качество, конечно, помойка. Такое в суд понесут? Смешно.

- Игорь Валентинович... - начала Сергеевна ровным,

слишком ровным тоном.

- Да ладно вам, Ирин-Сергевна, какой я вам Валентиныч, - он усмехнулся, положил снимок, откинулся на стуле и посмотрел на меня. В упор. С весёлым любопытством, как на нового человека в компании. - О. А это у нас кто? Писатель?

- Журналист, - сказал я. Горло было сухое.

- Ну да, ну да. Журналист. - Он покивал с видом человека, которого не проведёшь. - Верка написала, да? Узнаю почерк. Слушай, журналист, я тебе сразу скажу, чтобы ты время не терял. - Он наклонился вперёд, доверительно понизив голос. - Тихоня этот, которого ты тут слушал, - он не брал. Он вообще брать не умеет, он извиняется, когда его в автобусе толкают. Я тоже не брал, у меня в ту ночь... - он вдруг осёкся, коротко глянул куда-то влево, словно его окликнули, и закончил уже без улыбки: - Короче. Никто из наших не брал. А вот кто нас туда привёл - это вопрос интересный. Ты его копай. Только копай снаружи, понял? Внутри не лезь. Внутри без тебя тесно.

- Кто - вы? - спросил я. Это был непрофессиональный вопрос, первый пришедший, но другого у меня не было.

Он посмотрел на меня три долгие секунды, и в этих глазах было что-то среднее между насмешкой и проверкой.

- Марк, - сказал он. - Запиши, журналист, а то вас там много будет, запутаешься. Ма-эр-ка. Как евангелиста, только наоборот.

Лампа мигнула. Он моргнул, повёл плечами, как от сквоз-

няка, - и за столом снова сидел Игорь. Ссутуленный, с руками на парте. Он посмотрел на распечатку, которая теперь лежала ближе к нему, чем раньше, и я увидел, как по его лицу прошла тень стыдного узнавания - так смотрит человек, обнаруживший, что во сне ходил по квартире.

- Простите, - сказал он тихо. - Я, кажется, опять... отсутствовал. Долго?

- Минуты полторы, - сказала Сергеевна.

- Я что-нибудь... я никого не обидел?

Ему никто не ответил. Он кивнул, как будто молчание было привычным ответом, и аккуратно, двумя пальцами, отодвинул от себя снимок.

Обратно мы с Сергеевной шли через три поста молча. Уже на улице, закуривая, она сказала:

- Вот так. И заметьте: следователю он этого не показывает. Следователь его видел четыре раза - тихий, подавленный, всё. А тут вы пришли, новый человек, Верин человек, - и пожалуйста, выход к публике. - Она зянула. - Знаете, что меня пугает, Дмитрий Андреевич? Не то, что их там несколько. А то, что этот, который Марк, - он ведь нас предупредил. «Копай, кто привёл». Значит, он что-то знает. А тихий - не знает. И как, скажите мне, защищать человека, если знает один, а сидеть будет другой?

Я ехал домой в темноте и думал две мысли одновременно. Первая была профессиональная и стыдная: это лучший материал, который попадал мне в руки за двадцать два года.

Вторая была человеческая, и она пересиливала: «я никого не обидел?» - спросил человек, очнувшийся в комнате, где полторы минуты хозяйничал кто-то другой. Он не спросил «что я говорил» или «что теперь будет». Он спросил, не обидел ли кого.

Сорок лет человек живёт с провалами во времени, с чужими голосами в собственном горле, с системой из записок и будильников - и главный его страх на выходе из провала: не обидел ли он кого-нибудь.

Дома я открыл ноутбук и завёл файл. Назвал его честно: «Соколов. Я ничего не понимаю».

Это было третье февраля. До суда оставалось четыре с половиной месяца.

Глава 4. Правила игры

Дальше нужно короткое отступление, без него будет непонятно всё остальное.

Вернувшись из СИЗО, я сделал то, что делает любой журналист, увидевший невозможное: полез читать. Две недели я жил в режиме «днём газета, ночью диссоциация». И почти сразу упёрся в развилку, которая определила всю эту книгу.

Про множественную личность пишут двое: Голливуд и учёные. Голливуд рассказывает про демонов, маньяков и супергероев. Учёные - скучнее и страшнее.

Если сжать прочитанное до пяти пунктов, получится вот что. Я записал их тогда на карточке и повесил над столом, чтобы не съезжать в кино. Привожу как есть.

Первое. Диссоциативное расстройство идентичности - не выдумка и не мода. Оно в международной классификации болезней, им занимаются серьёзные клиники, по нему есть десятилетия наблюдений. Оно редкое, его сложно диагностировать, вокруг него идут настоящие научные споры - но спорят о границах и критериях, а не о том, «бывает или нет».

Второе, самое важное. Это не «в человека кто-то вселился». Это наоборот: человек не собрался. Психика ребёнка - не монолит, она складывается из состояний, как дом из кирпичей: вот я играющий, вот я испуганный, вот я с мамой, вот я один. В норме между кирпичами нарастает раствор - еди-

ная память, единое «я». Но если в самые ранние годы ребёнка регулярно накрывает невыносимое - такое, от чего некуда убежать, потому что бежать некуда и не на чем, ноги ещё короткие, - психика делает единственное, что умеет: не строит перегородки заново, а оставляет стены глухими. Страшное запирается в отдельной комнате вместе с тем «я», которое его пережило. Дом стоит. В доме можно жить. Просто в нём есть комнаты, куда хозяин не заходит и ключей от которых у него нет.

Третье. Личности - или, как говорят специалисты, идентичности, части - это не актёрские роли и не костюмы. У них может быть разный возраст, разная память, разные вкусы, разная осанка и разное давление, что уже совсем не объяснить притворством. Но они не отдельные души. Они - осколки одного человека, каждый из которых забрал себе кусок работы: этот хранит страх, этот умеет злиться, этот очаровывает чужих, этот укладывает спать. Система. Слово казённое, но точное: не толпа в теле, а именно система, со своей логикой, иерархией и техникой безопасности.

Четвёртое. Переключения запускаются не по расписанию, а по триггерам: запах, звук, интонация, тип ситуации. Что-то снаружи рифмуется с тем, что заперто в комнате, - и к двери выходит тот, кто умеет с этим обращаться. Со стороны это выглядит как каприз или спектакль. Изнутри это пожарная сигнализация: она не спрашивает хозяина, включаться ли.

И пятое, которое я тогда подчеркнул трижды и к которо-

му мы ещё вернёмся в самом тяжёлом месте этой истории. Такая архитектура не возникает от разовой беды и не возникает во взрослом возрасте. Она строится годами и только в детстве, когда «я» ещё мягкое. Проще говоря: если перед вами взрослый с настоящей, невыдуманной множественностью - вы смотрите на человека, чьё детство было устроено так, что расколоться было умнее, чем остаться целым.

Психика не ломается как попало. Она ломается грамотно. Это самое честное, что я могу сказать про то, что увидел за полгода.

Была и шестая запись на карточке, уже не из книг. После второй поездки в СИЗО я нашёл в Ярославле психиатра - назову её Анной Михайловной, она согласилась консультировать меня только на условиях анонимности и с оговоркой, которую я обязан здесь повторить: «Заочно я не диагностирую. Я объясняю вам, как это устроено в принципе. Что там у вашего Соколова - решит экспертиза».

Так вот, шестую запись я сделал после первого же разговора с ней. Я спросил: как отличить настоящее от симуляции? Ведь человеку, которому светит срок, выгодно изображать.

Анна Михайловна ответила не сразу.

- Симулянт, - сказала она, - играет на публику и переигрывает. Он покажет вам самое эффектное: голоса, страшные глаза, «во мне живёт зверь». И он всегда помнит, что показывал, - ему же надо держать легенду. А настоящие... - она по-

искала слово, - настоящие стесняются. Понимаете? Они всю жизнь это прячут. Для них каждый провал - позор, каждое переключение на людях - катастрофа. Симулянт хочет, чтобы вы увидели. Больной хочет, чтобы вы не заметили. Если ваш Соколов сорок лет строил систему из будильников и записок, чтобы никто ничего не узнал, - это очень плохая стратегия для симулянта. И очень типичная - для настоящего.

Я вспомнил «я никого не обидел?» и промолчал.

- И ещё, - добавила она. - Вы там надолго застрянете, я по вам вижу. Так вот, правило вам, журналисту, одно, но железное: не вы решаете, с кем говорить. Они решают. Не вызывайте никого, не просите «а покажите мне того, который». Это не зоопарк. Придут те, кто сочтёт нужным, и тогда, когда сочтут. Ваша работа - быть человеком, к которому не страшно выходить.

Забегая вперёд: это оказалось самым трудным заданием из всех, что я получал в профессии. Быть человеком, к которому не страшно выходить, - это вам не вопросы по бумажке задавать.

Экспертизу тем временем назначили на апрель. Сергеевна выбила ходатайство о стационарной - не десять минут разговора, а три недели наблюдения в отделении. Следователь не возражал, и меня это, помню, удивило. Потом перестало удивлять: он был уверен, что экспертиза закроет вопрос в его пользу. Камера, отпечатки, куртка. Какая разница, сколько человек в голове у того, кто на камере.

А я стал ездить в СИЗО каждую среду. Помощник адвоката, блокнот, диктофон, разрешённый со второго раза.

И среды пошли странные.

Глава 5. Следователь

Прежде чем рассказывать про среды, надо рассказать про дело. Без этого половина книги повиснет в воздухе, а половина - в недоумении.

Следователя, который вёл дело Соколова, звали Аркадий Викторович Завьялов. Мне его описывали по-разному. Вера - «тот, который со мной как с больной». Сергеевна - «нормальный мужик, работяга, у него таких дел вагон». Сам я увидел его в середине февраля, когда Сергеевна, устав от моих расспросов, сказала: «Хотите понять, что там происходит? Сходите и посмотрите. Только не мешайте, а то он вас выгонит, а мне ещё с ним работать».

Кабинет был обычный: стол, сейф, папки, календарь с полугодовой давностью, чайник, который Завьялов выключил и включил дважды за сорок минут, потому что не доверял ни одному делу настолько, чтобы о нём забыть. Сам Завьялов был немолод, гладко выбрит, в форменной рубашке с иголочки, и говорил со мной устало-терпеливо - так объясняют очевидное человеку, которому всё равно придётся объяснять дважды.

- Вы из газеты, - сказал он, листая мой блокнот взглядом, не касаясь. - Я про вас знаю. Вы с адвокатом приходили. Так вот, Дмитрий Андреевич, у меня к вам просьба, чисто человеческая: не пишите вы про множественные личности. Не

надо. Я вам сейчас объясню, почему, а вы решите сами.

И объяснил. Я постараюсь передать честно, потому что, как ни странно, это была самая складная речь из всех, что я слышал за то полугодие, - и она была неправильная целиком, от начала до конца. Но неправильно она была не от глупости. От аккуратности.

Дело, по словам Завьялова, было из тех, что следователи называют «без фантазии». В середине декабря, ночью, в антикварную лавку на Пробойной проникли через служебный вход. Сработала сигнализация - не сразу, к утру позвонил хозяин. Камера в малом зале писала. На записи - человек в приметной рыжей куртке с заплатой на локте. Отпечатки - в торговом зале, в подсобке, на витрине. Похищенное нашли на следующий день в хозяйственной постройке по месту жительства подозреваемого: под верстаком, прикрыто тряпкой. Куртка висела в прихожей, в кармане - осколок витринного стекла.

- Вы понимаете, какая это редкость? - Завьялов даже оживился, как оживляются мастера, показывая удачную работу. - Обычно хоть что-нибудь да не сходится. Алиби, свидетель, путаница со временем, вещь не та. Здесь сходится всё. Я двадцать лет работаю, у меня таких дел три. И во всех трёх, заметьте, обвиняемый в итоге признался. Потому что когда человеку кладут на стол всё, он перестаёт упираться. Это не давление, Дмитрий Андреевич. Это арифметика.

Я спросил, что он говорит о провалах в памяти. Завьялов

не рассердился - он именно что устал.

- Он это и мне говорил. На первом допросе. Я его тогда спросил прямо: вы отрицаете, что заходили в магазин? Он говорит: я этого не помню. Не «не заходил», понимаете разницу? А «не помню». Это позиция, Дмитрий Андреевич, это тактика защиты, так работают с адвокатом. А потом он неделю сидел и думал - и придумал себе целую историю. Сестра его, кстати, тоже придумала, вы уж не обижайтесь. Родственники всегда придумывают, это не от злости, это от любви: человек же не может просто взять и украсть, значит, его заставили, значит, он был не в себе.

- Он и до этого, по словам сестры...

- Сестра его приходила, - перебил Завьялов, и тут впервые за разговор в голосе прорезалось что-то живое, даже досадливое. - Приходила четыре раза. Первый - с бумагами. Второй - с валерьянкой. Третий - с рассказом про то, что брат у неё с детства «не свой бывает», про бабушку, которая в нём говорила. Я её выслушал. Двадцать минут. Выпил с ней чаю, потому что она плакала. А потом сказал: Вера Валентиновна, идите к психиатру. Не потому что вы больная. Потому что вашему брату нужен врач, а не следователь, а мне нужен ответ на один вопрос: он брал или не брал. Вот и всё. Она потом на вас в газету и написала, я знаю. Она на меня обижена. Она думает, я её не слушал.

Он помолчал и добавил тише:

- Я слушал. У меня тоже брат был. Умер в девяносто чет-

вёртом. Так что я её слушал, Дмитрий Андреевич, - я просто не могу в постановление вписать бабушку.

Вот тут я, признаюсь, почувствовал к нему уважение - короткое, неудобное, из тех, которые потом мешают писать. Завьялов не был злодеем. Он был хорошим ремесленником, у которого в руках оказалась деталь не его профиля. Он честно пытался её обточить под свой чертёж, и когда деталь не точилась, он списал её в брак - без злости, с чистой совестью.

Я спросил про признание. Про то, о чём писала Вера: «признавайте вину, дадут меньше».

Завьялов пожал плечами.

- Это закон, а не моя прихоть. Особый порядок - треть от верхнего предела, а в его случае, с характеристикой, с церковью этой, с первой судимостью - реально года два-два с половиной. А если упираться и дойти до суда да получить по полной - там другой разговор. Я ему это объяснил. Не раз. Он вежливо слушает, кивает, извиняется, что «создаёт столько работы», и говорит: не могу. - Завьялов впервые за разговор усмехнулся. - Вы знаете, что он мне ответил, когда я его в последний раз спросил? Он сказал: Аркадий Викторович, если я признаюсь, то получится, что я это сделал. А я этого не делал. И я не знаю, как это объяснить.

Следователь выключил наконец чайник, сел, сложил руки на папке - и сказал то, что я потом вспоминал чаще всего, потому что в этой фразе, как в капле, сидело всё дело, только никто не посмотрел на неё под нужным углом:

- Вот и я не знаю, Дмитрий Андреевич. Двадцать лет не знаю. У меня в кабинете сидит человек, у которого на руках кровь от витрины, в кармане стекло, в сарае товар на два миллиона, - и он смотрит мне в глаза и спрашивает, не случилось ли чего с сестрой, пока его везли. Я таких глаз не видел. И что мне с ними делать, я не знаю.

Я спросил последнее - про экспертизу. Психиатр Соколова осматривал ещё в декабре, амбулаторно, десять минут в кабинете. В заключении стояло: «данных за психическое расстройство, исключающее вменяемость, не выявлено». Завьялов сказал, что так и будет, что адвокаты теперь добиваются стационарной и он, скорее всего, не станет возражать.

- Пусть посмотрят, - сказал он. - Мне не жалко. Три недели в отделении - и вернётся к нам обычный человек, который перестанет выдумывать. Вы думаете, мне это надо, возиться? У меня дел сорок.

Я шёл из следственного отдела по февральской слякоти и думал странную мысль, которую тогда не смог бы сформулировать, а сейчас могу. Дело Соколова было составлено безупречно. Протоколы, осмотры, экспертиза, показания. В деле высказались все: потерпевший, соседи, сестра, участковый, эксперт, сам обвиняемый. Дело было похоже на многоголосый хор.

Не хватало в нём одной вещи, и я понял, какой, только спустя четыре месяца, когда услышал её названной вслух другим человеком: в этом деле не было вопросов. В нём бы-

ли ответы - ровные, аккуратные, уложенные в стопку. Ни одного вопроса следователь Соколову не задал. Ни одного - такого, на который нельзя было бы ответить «да» или «нет».

Через неделю Сергеевна дала мне почитать протокол первого допроса - тот самый, декабрьский, четырёхчасовой. Я приведу из него несколько строк, потому что бумага, как выяснилось, умеет говорить правду даже тогда, когда её составляют, чтобы доказать обратное.

Следователь Завьялов задавал вопросы правильно, по учебнику, и я бы на его месте задавал те же. «Подтверждаете ли вы, что ночью такого-то числа находились в помещении магазина?» - «Нет. Я этого не помню». «Отрицаете ли вы факт своего присутствия?» - «Нет. На записи я. Как я туда попал, я не знаю». «Куда вы сложили похищенное?» - «Я не похищал. Вещи в сарае я обнаружил утром». «Объясните, каким образом в вашем сарае оказалось имущество потерпевшего». - «Не могу».

Дальше следователь, надо отдать ему должное, задал единственный правильный вопрос за весь допрос: «Имеются ли у вас заболевания, влияющие на память?» И получил ответ, который стоило бы вынести в эпиграф: «Есть провалы с детства. Я обращался, мне написали астено-невротический синдром. Я могу объяснить подробно, если вы хотите».

В протоколе после этого стоит одна строка: «С моих слов записано верно». Подробностей нет. Не захотел - не записали.

И вот деталь, которую я заметил, только перечитав протокол во второй раз, - и после которой мне стало физически нехорошо. За четыре часа допроса Соколов И. В. восемь раз извинился. Извинился за то, что не помнит; за то, что «создаёт столько работы»; за то, что долго думает над ответами; за то, что не может помочь следствию; за то, что у сестры из-за него поднялось давление; за то, что его показания «получаются путанные»; за то, что просит воды; и ещё раз, в самом конце, - «за всё».

В характеристике, составленной по итогам допроса, значилось: «В ходе производства следственных действий вёл себя неадекватно: неоднократно приносил извинения, не относящиеся к существу задаваемых вопросов».

Я показал эту строку Анне Михайловне. Она прочитала, сняла очки и сказала:

- Восемь извинений за четыре часа. Вы знаете, как это называется в психиатрии? Никак. Это не симптом. Это выученное поведение человека, который с детства усвоил: занимать место в мире можно только извиняясь. Ваш следователь зафиксировал не неадекватность, Дмитрий Андреевич. Он зафиксировал, что человека сорок лет били за то, что он есть. Только в протокол это вписывается как «неадекватно». В этом, если хотите, и состоит разница между законом и жизнью.

Спустя месяц после этого разговора Сергеевна добилась стационарной экспертизы. Завьялов не возражал, как и обе-

щал. Я думаю, он до последнего был уверен, что делает добро: отправляет человека лечиться от выдумки, чтобы потом спокойно отправить его отбывать.

А в среду, десятого февраля, я второй раз вошёл в комнату для свиданий - и впервые остался там наедине с Игорем Соколовым. Сергеевна опоздала на сорок минут, и эти сорок минут оказались важнее многих часов, проведённых в кабинете Завьялова.

Глава 6. Провалы

Сергеевна опоздала на сорок минут - застряла в суде, - и конвойный, приведя Игоря, буркнул: «Ждите, раз пришли» - и ушёл. Мы остались вдвоём в комнате с привинченным столом и мигающей лампой.

Я помню, как Игорь сел, аккуратно разложил на столе руки и сказал:

- Вы не волнуйтесь. Я могу посидеть молча. Я умею.

И это было так невыносимо - взрослый человек, предлагающий незнакомцу своё молчание как услугу, - что я нарушил первую же инструкцию Сергеевны и заговорил первым, не по бумажке, не про ходатайства.

- Игорь Валентинович. Расскажите мне сами. Как вы живёте.

Он посмотрел на меня с тем выражением, с каким смотрят на человека, задавшего вопрос не из того списка. Потом подумал - и, видимо, решил, что раз список не тот, то и отвечать можно не по списку.

- Я расскажу, - сказал он. - Только вы записывайте, а то я путаю. У меня с датами плохо по понятной причине.

И рассказал. Я привожу этот разговор почти целиком, потому что из всего, что я слышал за полгода, он - фундамент. Всё остальное, включая суд, выросло из этих сорока минут.

Провалы начались, когда ему было семь или восемь - он

не помнит точно, потому что не помнит и самих провалов. Выглядело это так: он стоит в очереди в школьном буфете - и вдруг стоит на улице, у забора, и в руках у него портфель, а в кармане чужая монета. Или: учительница спрашивает его у доски - и он слышит её голос уже из коридора, идущим, и не понимает, почему он идёт.

- Первое время я думал, что я засыпаю на ходу, - говорил он. - Дети же не знают слова «провал». Я думал, все так живут. Потом понял, что не все, - и перестал рассказывать. Это, знаете, быстро понялось. Один раз рассказал - надо мной полкласса смеялось. Второй раз - к директору вызвали, сказали, что я выдумываю, чтобы с уроков уходить. Я решил: значит, надо так устроить, чтобы никто не замечал.

И устроил. Системе, по его прикидке, было лет тридцать пять. Состояла она из трёх частей.

Первая - записки. Писать себе записки он начал в пятом классе. Сначала простые: «Ты в школе. Урок математики. Не пугайся». Потом длиннее. Со временем записки превратились в целую переписку с самим собой: где он, что делает, кому что обещал, где ключи, сколько денег в кошельке и откуда они.

- Я вам покажу. - Он достал из кармана робы сложенный вчетверо листок и развернул. Почерк был мелкий, аккуратный, с наклоном влево. Текст гласил: «Игорь. Ты в СИЗО, камера 43. Это правда, но это ненадолго, Вера занимается. Сегодня среда. У тебя есть разговор с помощником адвока-

та, он хороший, не бойся. Деньги в передаче. Носки надень шерстяные, ноги зябнут». Внизу, после пустой строки, другим почерком - тем самым, ниже на полтона, с ленцой, - было приписано: «Носки надень, он дело говорит. М.»

Я поднял глаза. Игорь смотрел на листок так, как смотрят на чужую записку, найденную в собственном кармане.

- Это не я, - сказал он тихо. - Это он. Который тогда выходил, в первый раз, при вас. Он мне... подкидывает иногда. Редко. Раньше не подкидывал. - Он аккуратно сложил листок. - Я его не знаю. Я знаю, что он есть. Я с восемнадцати лет знаю, что там, - он тронул пальцем висок, - кто-то есть. Но я сорок лет делал вид, что мне кажется. Понимаете? Сорок лет. Потому что если не кажется - то что со мной. Тогда я не человек, а... я не знаю кто.

Вторая часть системы - будильники. Их у него было четыре: в телефоне и трое часов. Будильник звонил каждые три часа и задавал один вопрос голосом Веры - она записала ему по его же просьбе: «Игорь, ты где?» Он должен был ответить вслух. Если не помнил, где, - смотрел записку.

- Глупо звучит, - сказал он извиняющимся тоном. - А работает. Я за пятнадцать лет ни разу... ну, почти ни разу не попал в неприятность. Один раз только, в две тысячи восьмом, проснулся в чужом подъезде с чужой собакой. Собака была хорошая, я её потом хозяевам вернул, мы даже подружились с хозяевами. - Он позволил себе усмешку. - Я всю жизнь так живу, Дмитрий Андреевич. Как дежурный на посту. Каждые

три часа - проверка. Не потому что боюсь провалов. Провалы-то ладно, они тихие. Я боюсь, что я в это время сделаю.

И вот здесь я задал вопрос, который должен был задать через четыре месяца и который, будь он задан тогда вовремя, сократил бы эту историю наполовину. Я спросил: а что вы делаете, когда просыпаетесь и не помните?

Игорь ответил не задумываясь:

- Первое - смотрю, не обидел ли я кого.

- Как это?

- Ну... - он растерялся, что вопрос требует объяснения. - Смотрю на руки. Не битые ли. Смотрю, не чужое ли что в карманах. Звоню Вере - не случилось ли у неё чего. Звоню отцу Андрею - нет ли жалоб в мастерской. Если всё тихо - значит, тихо. - Он пожал плечами. - Я же не знаю, что я могу. Я не знаю, что они могут. Мне же не у кого спросить.

Третья часть системы была самая простая и самая страшная: он выстроил себе жизнь, в которой нечему случиться. Никаких компаний, никакого алкоголя - «после армии ни капли, потому что я не знаю, кто во мне пьёт», никакой езды за рулём, кроме как до мастерской и обратно. Один и тот же маршрут тридцать лет. Работа руками, где провал на полчаса означает лишнюю ошкуренную планку, а не чужую беду.

- А теперь, - сказал я, - про декабрь.

Он кивнул. Рассказывал ровно, без надрыва, как человек, который пересказывал это себе самому сто раз и так и не досказал.

Во вторник он лёг около одиннадцати. Помнил, что читал перед сном - книгу по истории иконописи, помнил даже страницу, потому что загнул уголок. Помнил, что думал про заказ: Гельман привёз на прошлой неделе крест на престольный, работа на месяц.

- Я даже подумал перед сном: завтра встану пораньше, покараю себя за лень и начну. Это я так шутил, про «покараю». У меня юмор такой. - Он посмотрел на меня и вдруг добавил: - Вы не думайте, я не жалуюсь. Я просто объясняю, что было в голове у человека, который лёг спать. Он не собирался никуда идти. Он собирался встать в шесть.

Проснулся он в среду, в семь вечера, на своей кровати, одетый. Правая рука болела: ссадины на костяшках, запёкшаяся кровь. Куртки на вешалке не было - она нашлась потом, в прихожей, на полу. Пахло от неё холодом, бензином и чем-то ещё, чего он не назвал, потому что не знает названия: так пахнет старый магазин, где много дерева и пыли.

- И знаете, что я сделал первым делом? - сказал Игорь. - Я пошёл смотреть записку. Ту, вечернюю, которую я всегда на столе оставляю: «Ты дома, всё нормально, ты пил чай, ты лёг спать». Я её пишу каждый вечер, двадцать лет. Так вот. - Он помолчал. - Её не было. Стол был пустой. А я никогда не забывал её написать. За двадцать лет - ни разу.

Он сел на кухне. Просидел, по его словам, «не знаю сколько». Потом пошёл в сарай - потому что всю жизнь, когда случалось непонятное, он шёл в сарай, там были инструменты

и там он успокаивался.

- Открываю. На верстаке тряпка. Под тряпкой - иконы. Я, Дмитрий Андреевич, тридцать лет в этом ремесле, я икону от печати отличу с закрытыми глазами. Там были настоящие. Деятнадцатый век, две - восемнадцатый. Рядом самовар. Ложки. - Он говорил это всё тем же ровным голосом, и только пальцы, лежавшие на столе, слегка подрагивали. - И я стоял и думал одну мысль. Одну-единственную. Не «что это». А: «Значит, я всё-таки».

- Что - всё-таки?

- Значит, я всё-таки такой, - сказал он и впервые поднял на меня глаза прямо. - Сорок лет я строил, чтобы никто не заметил. Будильники, записки, маршруты. И вот. Значит, не помогло. Значит, я вор. - Он помолчал. - Я вам сейчас скажу странную вещь. Мне потом психиатр на экспертизе сказал, что так бывает, и я ей поверил, потому что она умная. Но в ту ночь я не чувствовал страха перед тюрьмой. Я чувствовал... стыд. Что я сорок лет врал людям, что я нормальный. Что вот оно, вылезло. Что Вера узнает.

Он не пошёл в полицию. Он это объяснил просто и, по моему, исчерпывающе:

- Куда бы я пришёл? Здравствуйте, у меня в сарае чужие иконы, я не помню как. Вы бы меня послушали? - И, не дожидаясь ответа: - Я сидел всю ночь. Я думал, что делать. Я даже складывал вещи - думал, Веру спрятать, мало ли. К утру я решил, что пойду сам. В девять утра. Я даже побрился. -

Он усмехнулся. - А в восемь сорок постучали.

Дальше было то, что я потом слышал от оперуполномоченного Костина с другой стороны: дверь открыл спокойный человек в свежей рубашке, предложил чаю, спросил, не случилось ли чего с сестрой, пока его везли, и ни разу не повысил голоса.

- Я потом всё думал, - сказал Игорь, - почему я чай предложил. Это же глупо. А потом понял: я всю жизнь так делаю. Ко мне приходят - я предлагаю чай. Это единственное, что я умею делать, когда страшно. - Он посмотрел на свои руки. - А они решили, что я наглый. Я по глазам видел: наглый вор, спокойный. Мне потом Вера сказала, что следователь её спросил: «Ваш брат всегда такой выдержанный?»

Я спросил про психиатра. Он рассказал, что врач приходил в изолятор, осмотр длился десять минут: «Откройте глаза. Следите за пальцем. Жалобы? Голова болит? Голоса слышите?»

- Я сказал: нет. Голосов нет. - Игорь сказал это с такой интонацией, что я не удержался:

- А они есть?

Он подумал дольше, чем думал до этого за весь разговор.

- Голосов - нет, - сказал он наконец. - Голоса - это когда чужие и в голове. А у меня... у меня как будто комнаты, Дмитрий Андреевич. Я не слышу, что там. Я только знаю, что там есть. И иногда оттуда выходят. - Он снова тронул висок. - И вот про это я не сказал. Потому что не знаю, как это назы-

вается. И потому что, если расскажу, меня признают сумасшедшим, а сумасшедших не выпускают. А у меня, между прочим, заказ на месяц стоит. Крест на престольный. Человек ждёт.

Конвойный заглянул: Сергеевна приехала. Игорь поднялся и вдруг задержался - неловко, как задерживаются, когда хотят попросить и стесняются.

- Дмитрий Андреевич. Можно я вас попрошу? Вы ведь пишете, вам положено разбираться. - Он говорил в стол. - Найдите, как это называется. Вот это вот всё. Может, оно лечится. Может, это... - он поискал слово и выбрал самое осторожное из всех возможных, - может, это просто очень старая привычка. Я бы хотел знать. Не для суда. Мне для себя. Я сорок лет живу в доме, где половины комнат не знаю. Мне бы план дома. Хоть какой-нибудь.

Я сказал, что найду. И нашёл - вы помните, две недели спустя я сидел в библиотеке и конспектировал учебники, а потом нашёл Анну Михайловну.

А тогда, выходя из СИЗО, я записал в блокнот только одну фразу из тех сорока минут, и она потом вернулась ко мне в самом неожиданном месте этой истории:

«Я всю жизнь предлагаю чай, когда страшно».

Человек, которого учили, что страх надо переждать, досчитав до ста, - научился единственному доступному ему способу обращаться к миру: быть удобным. И мир сорок лет этим пользовался.

Часть вторая. Перекличка

Глава 7. Гоша

Расскажу теперь про среды. Их было четырнадцать, до самого суда, и я буду рассказывать не по календарю, а по людям - так честнее, потому что в моей памяти эти полгода разложены не по датам, а по лицам.

Первым - после Марка - мне показали Гошу. Слово «показали» здесь неправильное, никто мне его не показывал; правильнее сказать - при мне не успели спрятать.

Была седьмая или восьмая среда, конец марта. Мы сидели уже без Сергеевны - она приезжала через раз, убедившись, что «помощник» ведёт себя смирно. Игорь в тот день был разговорчивее обычного: рассказывал про работу, и я впервые видел, как он оживает. Он реставрировал икону начала девятнадцатого века, снимал поздние записи - это когда поверх старого образа в другие века писали новый, слой на слой.

- Понимаете, там под Николаем - другой Николай, - говорил он, и руки его двигались над столом, как над доской с иконой. - Старше на сто лет. Его закрасили не потому, что плохой. Просто время сменилось, захотели поновее. А он там, внутри, целёхонький. Моя работа - снять верхнее и не

поранить нижнее. Миллиметр за миллиметром. Знаете, какое главное правило у реставратора? Не торопиться и не считать себя умнее тех, кто писал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.